

РЫЦАРЬ НА ДИРИЖЕРСКОМ ПОДИУМЕ

*Независимая сг. — 1993. —
20 мая. — С. 7.*

Памяти Кирилла Петровича Кондрашина

Анатасий Агамиров

Мастер

КОГДА я мысленно произношу фамилию Кондрашина, то всплывает летнее утро в Ленинграде в начале 60-х годов. Мы случайно встретились за завтраком в гостинице «Европейская». Знакомы были давно — с осени 1943 года. Разница в возрасте, а я на двадцать с лишним лет моложе Кондрашина, никогда не мешала нашей дружбе и даже добрососедству: некоторое время мы жили в одной коммунальной квартире на Пушкинской улице в Москве. Тогда, в Ленинграде, у Кондрашина была репетиция с оркестром Мравинского, я же проводил на Неве студенческие каникулы и гостил у матери. Она присутствовала при нашем разговоре. Пока мы говорили о музыке, моя матушка довольно активно участвовала в беседе, но, когда вдруг мы перешли на сравнительные достоинства Брижит Бардо и Мэрилин Монро (Кондрашин был куда компетентнее), моя мать встала, сказала, что дальше на уровне собеседников оставаться не может, и ушла. Позже она заметила: «Это Кирилла при его громадном радио-нальном уме может позволить себе скакать по темам, как птичка по проводам... Иным не советую. Работе мешает...»

Дирижерскому искусству Кирилл Кондрашин, родившийся в семье музыкантов, обучавшийся у профессора Бориса Хайкина. До этого играл на фортепиано, и весьма успешно. О дирижере Кондрашине заговорили в 1943 году, когда он появился в Большом театре. Дирижерская «команда» тогда в Большом была сильнейшей: Николай Голованов, Александр Мелик-Пашаев, Арий Пазовский, Юрий Файер — только некоторые из имен. При своей воле и работоспособности, гипнотическом воздействии на оркестр в Большом Кондрашин прижился довольно легко. Кроме того, все как-то сразу почувствовали, что он хозяин собственного слова и в принципиальных вопросах абсолютно бескомпромиссен.

В конце 1947 года Жданов с ведома Хозяина пошел в лобовую атаку на советскую композиторскую школу. Начались бесконечные покаянные собрания. По Большому театру ходила известная балерина Ольга Васильевна Лепешинская и лично предупреждала тех, кто должен покаяться в «буржуазном скатывании». Кондрашин каяться не стал. Более того, он

Кирилл Кондрашин

выступил с заявлением: театр действительно не имел права ставить такую плохую оперу, но ее, как справедливо утверждал Кирилл Петрович, навязали люди, имеющие власть над музыкой. Поступок самоубийственно смелый, если учесть, что Кондрашин в то время был еще секретарем партийной организации оперной труппы. Однако «убрали» его из театра только к середине 50-х.

Годы безвременья длились недолго. Он работал в Серпухове, изредка ездил по провинции, создал молодежный симфонический оркестр, но главным образом аккомпанировал. Его высоко ценили Рихтер, Гилельс, Ойстрах, Ростропович. И неудивительно, что именно Кондрашин был приглашен основным дирижером на первый Международный конкурс имени Чайковского. Триумф ансамбля Клайберна — Кондрашин многие помнят до сих пор.

Так начался период мировой славы дирижера.

В 1960 году он становится художественным руководителем оркестра Московской государственной филармонии. Кондрашин принципиально решил не делать оркестр в традиционном тогда русском стиле. Он настойчиво избегал форсированных звучаний, боролся «с треском раструбов у медных и пробонами в коже на литаврах». Так определяли ехидные английские рецензенты русский симфонический стиль. Кондрашин добивался и добился предельной ансамблевой слаженности, и, конечно, богом его был ритм, строгая цельная ритмическая структура. Поначалу зарплата у его оркестрантов была мизерной. Понадобились годы титанической борьбы, чтобы оркестру позволили получать только вдвое (!) меньше, чем, скажем,

в Госоркестре или в Большом театре. Начались и зарубежные гастролы. Английская музыкальная критика, которую на континенте до сих пор боятся как огня, восторженно приветствовала маэстро Кондрашина. Отмечали, что его оркестр напоминает лучшие европейские — венский или берлинский, например. В данном случае английская критика «стреляла» и в американскую сторону, где, по ее мнению, оркестры играют беспроблемно, но слишком громко. Отмечалась также необыкновенная репертуарная широта исполнителей. Тут необходимо упомянуть, что Кондрашин первым уговорил Дмитрия Дмитриевича Шостаковича снять свой авторский запрет на 4-ю симфонию. А симфония № 13 Шостаковича на стихи Евтушенко! Поэта обвиняли в сионизме, в покушении на «незыблемые основы». И опять понадобилось гражданское мужество Кондрашина, чтобы премьера симфонии состоялась. Радиотрансляция ее, однако, была запрещена. Незадолго до концерта от участия в нем отказались солисты Большого — Иван Петров и Александр Ведерников. Буквально в последний момент Кондрашин ввел никому не известного молодого баса Виталия Громадского. Премьера стала событием не только музыкальным...

На генеральной репетиции Кондрашин, обращаясь к оркестру, сказал: «Я не знаю, чем кончатся наши сегодняшние усилия... мы входим в историю страны и открываем одну из лучших страниц ее культуры». Он отдал своему оркестру много сил, но сам первый почувствовал, что слишком долго возглавляет его. Все чаще он повторял, что нельзя возглавлять один и тот же творческий коллектив больше 10 лет, притупляется не только чутьё к новому, но и требовательность. Я сам услышал по этому поводу от Кондрашина сравнение с привычными ночными туфлями, в которых нельзя выходить на кросс...

Политическая обстановка брежневских времен крайне раздражала Кирилла Петровича, он изнемогал в борьбе с чиновничьим чванством, с кадровиками, которые требовали формирования оркестра по национальному признаку, ему надоели постоянные баталии по репертуарным и гастрольным вопросам. Кондрашин уехал на гастроли в Голландию и остался там.

Теперь в Амстердаме в память о нем регулярно проводится конкурс молодых дирижеров. А дело Кондрашина в Академическом оркестре Московской государственной филармонии достойно продолжает его ученик Василий Синайский.